

101

ДК40

Ажамбул
стихи

Л.А.

детрис
1946

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ДЖАМБУЛ

стихи

ОФОРМЛЕНИЕ
В. БЕХТЕЕВА

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1946 Ленинград

ДЖАМБУЛ

Всего нескольких месяцев не дожил великий казахский певец, акын Джамбул, до ста лет. Он родился в феврале 1846 года — в те далекие времена, когда в России еще существовало крепостное право, царствовал Николай Палкин, а на далекой окраине, в казахских степях, жили темные и нищие, враждовавшие между собой роды кочевников. В роду Шапрашты, в пустыне, среди коней, овец и верблюдов вырос талантливый черноглазый быстрый мальчик.

Отец, носивший фамилию Джабаев, назвал его Джамбулом, по имени горы, возле которой родился его сын в юрте в зимнюю метельную ночь.

Нелегко жилось в те времена в разноплеменной России людям мысли и труда. В пустынных песках на берегу Каспийского моря изнывал в ссылке Тарас Шевченко. Белинский в далеком Петербурге, страстно болея за свою Родину, мечтал о тех временах, когда Россия будет удивлять мир достижениями науки и культуры. «Завидую внукам и правнукам нашим, которые увидят Россию в 1940 году», писал он.

Но лишь один поэт из тех, кто был современником Шевченко и Белинского, увидел великую Родину и советский народ в славе и силе — и не только увидел, но и сам принял участие в построении нового, социалистического мира; Джамбул один из первых в Казахстане вступил в колхоз и воспел свой освобожденный народ.

В аулах Казахстана, где еще живут в народе прежние, дореволюционные песни Джамбула, сохранилась память о нем как о человеке, который никогда ни в чем не покривил душой перед народом и кто в самые тем-

ные и трудные времена становился на защиту его против баев и богачей.

Уже с шестнадцати лет Джамбул ушел из дому и стал странствовать с песнями и выступать на айтысах. К сорока годам это был прославленный акын, победитель многих знаменитых в степи акынов.

Джамбул не знал письменной грамоты, но, обладая необыкновенной памятью, знал наизусть десятки тысяч строк различных стихов и поэм. Преследования же властей и нищета рано загасили поэтическую силу Джамбула.

Великую Октябрьскую революцию Джамбул встретил семидесятилетним стариком, уже давно не бравшим в руки свою домбру. Сам акын рассказал в своей автобиографии, записанной с его слов, о том необычайном преображении, какое с ним произошло после революции.

«В пятьдесят пять лет мне стало худо. От старости и тяжелых условий я стал сутул, как старый беркут, глаза померкли, а голос ослаб. Вместо домбры у меня в руках появилась палка. Вместо широкой степи — узкая постель. Я угасал, бессильный петь хорошие песни. И лишь тогда, когда казахи восстали против белого царя (речь идет о 1916 году. — К. З.), я пропел несколько песен, и их подхватила степь.

Когда мне исполнилось семьдесят лет, я увидел светлую зарю новой жизни. На землю пришла правда для всех живых существ. Я услышал имя батыра Ленина и был свидетелем победного шествия Красной Армии. Вокруг меня закипела жизнь, о которой я пел в лучших своих песнях, как о золотом сне. Почувствовав прилив свежих сил, взял в руки домбру. Вернулась моя молодость, и я запел.

Оглядываясь вокруг, я не узнавал знакомых степей. Поехал по аулам и стал воспевать новую жизнь. Как всегда, я был заодно с народом и был понятен народу. Я был свидетелем рождения новой страны — Казахстана, о чем мечтали целые поколения и о чем пели лучшие акыны.

Только в восемьдесят лет жизнь мне открыла глаза на многое, чего я не понимал. Жизнь началась для меня снова. Я переродился и стал петь, как двадцатипятилетний юноша: сильно, с подъемом, с большим

жаром и охотой. Это возрождение моих сил принес мне вождь угнетенного человечества Сталин, давший счастье всем народам. Я стал пламенным агитатором за колхозы. О колхозах я пропел сотни песен, и они полетели по степям, потому что шли от самого сердца».

Новые песни Джамбула полетели не только по степям. Переведенные на русский язык, его песни и стихи быстро завоевали широкую популярность Джамбулу среди читателей всех советских народов. Теперь каждый школьник уже слышал о Джамбуле и знает его стихи. Джамбул был большим поклонником радио и слушал в своем ауле все передачи на казахском языке из Алма-Ата, а также любил, чтобы ему каждый день читали газеты.

В девяносто с лишним лет он жил жизнью передового человека нашего времени, и в его стихах и песнях отразилось все то, что волновало и интересовало всех советских людей. Он написал стихи и песни о Ленине и Сталине, о Красной Армии, о Сталинской Конституции, о детях, о сборе зерна, о колхозах, о Пушкине, о Горьком, об Сулеймане Стальском и о многом другом. Его поэма об Утегене полна красивых образов, воскрешающих перед нами всю красочность Востока.

С особенной любовью и поэтическим воодушевлением Джамбул обращается к образу Сталина. Образ Сталина занимает в поэзии Джамбула центральное место как средоточие побед и упований советского народа. Описав в поэме «Родина моя» все унижения своего народа в прошлом и избавление его в нынешние годы, Джамбул обращается к Сталину, который после Ленина зовет к себе «помолодевшего акына».

Правительство высоко оценило самоотверженный труд престарелого певца, наградив его тремя орденами и присудив ему Сталинскую премию.

В годы Великой Отечественной войны с удивительной силой снова вспыхнули жизненные силы Джамбула. С того часа, когда в жаркое июльское утро Джамбул вместе со своими сыновьями, внуками и правнуками прослушал историческое выступление товарища Сталина по радио с призывом к народу отдать все силы на отпор врага, Джамбул считал себя мобилизованным. В ту же ночь он сложил песню: «В час, когда зовет Сталин».

За годы войны Джембул сложил множество песен и стихов, составивших в русском переводе целую книгу— «Песни об Отечественной войне».

Ленинградцы не забудут замечательного послания, с которым к ним обратился Джембул из казахских степей. Это послание было вывешено на стенах домов и в окнах, и его слова заглушали грохот авиабомб:

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск невиской струи...
Предстоят большие бои,
Но не будет врагам житья!
Спать сегодня не в силах я...
Пусть подмогой будут, друзья,
Песни вам на рассвете мои.
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

Москвичи не забудут, с каким волнением, с какой тревогой и гордостью писал патриарх советских поэтов Джембул о столице, когда к ней подступали немцы:

Мне ветер, мне поле — родня.
С пеленок в седле я живу.
Чуть свет я сажусь на коня.
Поводья, как юноша, рву.
И мчусь, стремянами звеня,
И всех, узнающих меня,
Москве на подмогу зову.

В своей песне, сложенной на смерть сына Алгатая, погибшего в 1943 году под Синельниковом, Джембул говорит: «За Родину смерть — продолжение жизни».

Все свои силы и все песни Джембул отдал Родине. Уже угасавший, 9 мая 1945 года, Джембул снова просил, чтобы ему дали домбру. В этот день он сложил свою последнюю песню. Это была песня о победе.

22 июня, в день четвертой годовщины Отечественной войны, Джембула не стало. Но советский народ никогда не забудет пламенного патриота нашей Родины и талантливого поэта — своего Джембула.

К. Зелинский

ЛЕНИН И СТАЛИН

До смерти Джамбул не забудет тех дней,
Когда он на поезде мчал по стране

И мимо куда-то летела земля,
Мелькали сады, проплывали поля...

Шумела травую батырская ширь,
Неслись облака на Алтай, на Сибирь.

Пугливые чибисы с криком вились
Над желтой и быстрой рекою Арысь.

Над рисовым полем пылали лучи
В горячих просторных степях Кармакия.

Катил на пески свой разгневанный вал
Вскипающий пеной зеленый Арал.

Пасла табуны и растила хлеба
Красавица наших степей Актюба.

Потом засверкал восхищением взор:
Впервые увидел я волжский простор:

Катила могучие воды река,
И чайка кружилась, бела и легка

Какая страна! Сколько светлых чудес
Под юртой высоких советских небес!

Я ехал волнуясь. Я знал, что близка
Мечта моей жизни — столица Москва!

И вот она встала, мечты золотей,
Во всей лучезарной своей красоте!

Услышал я шум изумрудных садов,
Увидел я блеск бирюзовых прудов,

Дворцы и палаты, метро под землей,
Большие фонтаны воды голубой...

Я думал: «Здесь Ленин когда-то ходил
В расцвете своих титанических сил...»

Посланец далеких казахских степей,
Пошел я туда, где стоит мавзолей,

Где светят, восторгом сердца опалая,
Горящие золотом звезды Кремля.

Стоит мавзолей в самом центре земли.
Народы, как реки, к нему потекли.

Идут и таджик, и ойрот, и казах,
С любовью в сердцах и с печалью в глазах.

Идут и афганец, и перс, и араб,
Как дети к отцу и как воины в штаб.

И я вместе с ними, волнуясь, вхожу,
Глаза поднимаю и жадно гляжу.

Я вижу — в гробу он лежит, как живой.
Спокойный и мудрый, простой и родной.

Знамена склонились с любовью над ним,
Проходят народы, а он недвижим,

Не слышит, как я ему, сгорблен и сед,
Шепчу по-казахски сыновний привет

И клятву шепчу ему — ленинцем быть,
По-ленински думать, бороться и жить,

И детям, и внукам, и правнукам — всем
Поведать и в песнях и в строфах поэм,

Что Ленин, как солнце, планету живит,
Что в Сталине ленинский гений горит.

Я самый счастливый певец на земле —
Я Сталина видел в Московском Кремле.

Я рядом с вождем всех народов стоял
И крепко могучую руку пожал,

Ту руку, которая твердо ведет
Два десятилетия вперед и вперед —

В сиянье счастливых и солнечных дней
Сто семьдесят пять миллионов людей.

Он разумом выше Памира и звезд
И к людям внимателен, ласков и прост.

Он мощью своей превосходит Арал,
И каждый бедняк в нем отца увидал.

Как солнце, он ясен, высок и могуч,
И греет народы теплом его луч.

Он, как океан, необъятно велик...
Обидно Джамбулу, что беден язык

И слов нехватает, чтоб так прозвонеть,
Чтоб сталинский гений достойно воспеть.

Я в степи пойду, когда солнце встает.
Из юрт позову я колхозный народ.

И грянем мы песню, и будет нам в лад
Греметь ниспадающий с гор водопад,

Трава шелестеть, и журчать родники
И тихо по ветру шуметь тростники.

И даже на самой далекой звезде
Слышна будет песнь о великом вожде!

В ЧАС, КОГДА ЗОВЕТ СТАЛИН

Родину Сталин ведет на врага,
Родина светлая всем дорога,
Кровью батыров добыта она,
Дружбой народов она скреплена
Непобедимая наша страна.
В юрте спокойной останусь ли я,
Грудью за землю не встану ли я,
Звонких стремян не достану ли я,
Вместе с народом устану ли я
Петь свои песни в труде и в боях¹
Эй, сыновья, оседлайте коня!
Вместе со Сталиным песня моя!

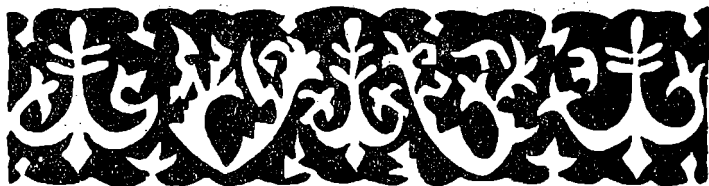
Мир молодой нашей радостью стал,
Солнцем народов из бездны он встал.
Ночью на нас через старый дувал¹
Черный шакал ненавистный напал.
В песне народ неспроста говорит:
«Зверь перед смертью от страха дрожит
И на открытое место бежит».
Место закрыто. Шакалу клыки
Выбьют советские наши штыки.
Эй, сыновья, оседлайте коня!
Вместе со Сталиным песня моя!

Вышли в последний, решительный бой
Мир мракобесов и мир молодой,
Злое отродье фашистской змеи
И молодые орлята мои.

¹ Дувал — глинобитная стена.

В песне народ неспроста говорит:
«Гада раздавим, орел воспарит».
Сталин — орел наш, а стаи орлят
Всюду с победой за ним полетят.
Слушайте, степи родные, меня,
Армии Красной ведите коня,
Лейся, горячий чимкентский свинец,
Смертью для черных фашистских свиней,
Лейся рекою, балхашская медь,
Чтобы снарядам советским греметь!
Каспий широкий, побольше улов
Родина ждет от твоих рыбаков!
Хлопок и хлеб и свои табуны
В час грозовой отдадим для страны.
Сталин зовет нас в труде и в бою
Биться с врагом за отчизну свою.
Край мой любимый, родной Казахстан,
Весь поднимайся на вражеский стан!

ВЕЛИКИЙ СТАЛПНСКИЙ ЗАКОН

Песня моя, ты лети по аулам,
Слушайте, степи, акыца¹ Джамбула!

Много законов я в жизни знал,
От этих законов согнулась спина,

От этих законов слезы текли,
Глубокие складки на лбу залегли.

Законы Аллаха, законы Аблая,
Законы кровавого Николая.

По этим законам детей отбирали,
По этим законам людей убивали,
Девушек наших, как скот, продавали.

По этим законам аулы редели,
По этим законам бай² жирели
И крепко на шее народа сидели.

По этим законам гуляли, как смерч,
Бесправие, голод и смерть.

Песня моя, ты лети по аулам,
Слушайте, степи, акына Джамбула!

¹ Акын — народный певец.

² Бай — богач, кулак.

Маленький след дорогу рождает,
Море из родника вырастает.

Из камня упругая сталь выходит,
Из слова рождается мудрость в народе.

От жизни счастливой рождаются дети,
Самые радостные на свете!

А с ними в колхозе рождаются песни,
Всех песен красивей, всех песен чудесней!

Звени же, домбра, по колхозным аулам,
Слушайте, степи, акына Джамбула!

Слушай, Кастек, Каскелен, Каракон,
Я славлю Великий советский закон.

Закон, по которому радость приходит,
Закон, по которому степь плодородит,

Закон, по которому сердце поет,
Закон, по которому юность цветет,

Закон, по которому служит природа
Во славу и честь трудового народа.

Закон, по которому вольным джигитам
К подвигам смелым! дорога открыта.

Закон, по которому в праздник наш
Овеяна славой родная Куляш.

Закон, по которому едут учиться
Дети аульные в школы столицы.

Закон, по которому все мы равны
В созвездии братских республик страны.

Пойте, акыны, идите на сходы
С песней о братстве великих народов.

С песней о Родине нашей цветущей,
С песней, к труду и победам зовущей.

Заботой согрел миллионы сердец
Сталин — мудрейший, любимый отец!

Я ИЗБИРАЮ СТАЛИНА

I

Сталин, твой луч обогрел мое сердце.
В каждое сердце находит он дверцу,
Радость, любовь и тепло свое льет —
Сила и молодость в сердце живет,
Сила и молодость в сердце крепчает.
Песнями сердце тебе отвечает —
Струны Джамбула ты оживил,
Струны Джамбула ты одарил,
Душу Джамбула ты вдохновил,
Песни Джамбула ты окрылил,
Сердце Джамбула ты обновил,
Старость Джамбула остановил!
Ты повелел, чтобы радость кипела
Да вечная юность о Родине пела,
О жизни, красивой как солнечный свет.
О жизни великой борьбы и побед,
В которых сияет, как звезды Кремля.
Великая, вечная сила твоя!
Нет без тебя в моих песнях огня,
Родины нет без тебя у меня,
Нет без тебя ни домбры, ни мечты,
Ни счастья, ни радости, ни красоты.

II

Над синью морей, в голубых небесах,
В цветущих долинах, в горах и лесах,
Над полюсами в пурге и во льдах,
В аулах, поселках и городах,

От стойбищ кочевника и до столиц
Восходит, не зная пространств и границ,
Как человечества гордый маяк,
Закон. В нем бессмертная мудрость твоя!

III

Восходит, не зная пространств и границ,
От стойбищ кочевника и до столиц,
Закон, озаривший дорогу векам,
Закон, покоривший большевикам
Богатства и тайны и силу земли
И небо, где наши плывут корабли.
Он, величавый, над миром встает,
Он человечество, смелый, зовет
К лучам коммунизма, к сиянью зари,
Которую Сталин векам подарил!

IV

Закон! Озарил он дорогу векам,
Он юность былую вернул старикам,
Он свежесть садов подарил пустырям,
Он счастье и радость вернул матерям,
Он вывел согретое солнцем весенним
Не устающее поколение.
Он вывел народ мой из темноты,
Народу вернул вековые мечты,
И взял мой народ трудовыми руками
Богатства, что крали султаны веками,
Что рвали фашистские бельсенды,
Проклятые хищники алаш-орды!

V

Новую песню послушать Джамбула
Собрался народ из колхозных аулов,
Собрался народ из предгорных кочевков
Отдать свои думы напевам струны.

Сказали мне старые чабаны,
Сказали наездники из Дегереса,
Сказали доярки колхозов Келеса,
Сказали мне конюхи из Кызыл-Ата,
Сказали мне дети мои и внучата:
«Джамбул! Твои струны, как ноги куланьи,
Пусть с песней проносят и наше желанье,
Пусть с песней его до Москвы донесут,
Пусть с песнею в солнечный список внесут —
Как дорогой, золотой самородок
Любимых батыров степного народа,
Овеянных славой бессмертных побед:
Мы их выбираем в Верховный Совет,
Великих народов великий совет.
Ты первого в солнечный список впиши
Любимого жителя нашей души,
Чье сердце в народе, как солнце в кристалле,
С кем радостью наши глаза заблестали,
С кем в наших пустынях ручьи зажурчали,
С кем вечный пастух и неизвестный скиталец
Любимую Родину отыскали,
С кем слезы горячие лить перестали,
С кем хлынули реки, что высыхали,
С кем ожили степи, что вымирали,
С кем песни воскресли, что затихали,
О ком наши деда столетья мечтали!..
Впиши его имя, Джамбул! Это — Сталин!

ПЕСНЯ О МОСКВЕ

Горд и счастлив я, старый Джамбул,
Мое сердце поет, как струна.
Меня слышит не только аул,
Меня слушает вся страна.
Через степи и через Урал,
Через Волгу и через поля
Поезд, словно тулпар¹, меня мчал
Силой пара и силой угля.
И за то, что я мчался, как ветер, к Москве,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

Ай, как Родина хороша,
Ах, как город Москва пригож!
Замирает от счастья душа,
По рукам пробегает дрожь.
Я б еще девяносто лет
Жил, как самый последний кедей²,
Чтоб час побывать в Кремле,
Чтобы вновь посетить мавзолеей.
И за то, что я песни пою о Москве,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

В сердце мира стоит мавзолеей,
Спит в нем Ленин в сени знамен...
Но живительный свет земле
И в гробу излучает он.
У него ума — океан,
Грел людей он сердцем большим.

¹ Тулпар — сказочный быстроходный конь.

² Кедей — бедняк.

Он был храбр и могуч, как арстан¹,
И в борьбе был несокрушим.
Сталин, солнце мое, я понял в Москве:
Сердце мудрого Ленина бьется в тебе!

В день, сияющий как бирюза,
Был в Кремле я в кругу друзей.
Увидали мои глаза
Величайшего из людей.
Ты, чье имя достигло звезд
Славой первого мудреца,
Был внимателен, ласков, прост
И родней родного отца.
За радушный, отцовский прием в Кремле,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

Я спускался с домброй в метро,
Был в волшебном дворце под землей.
Поезд мчал меня легче ветров,
Ослепляя звездой золотой.
Каганович! Ты Сталину друг.
Поезда твои славят Джамбул.
Песни рельс и колес перестук
Знает каждый казахский аул.
И за то, что вождей воспитал нам в борьбе,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

Пышно братство народов цветет,
Счастлив русский, грузин, казах...
Наша Родина — мира оплот,
Наше счастье добыто в боях.
А границы зорко хранит
Тот, кто в Сталине видит пример,
Для врагов неприступный гранит,
Клим-батыр², первый кзыл-аскер³.
И за то, что винтовка готова к стрельбе,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

¹ Арстан — лев.

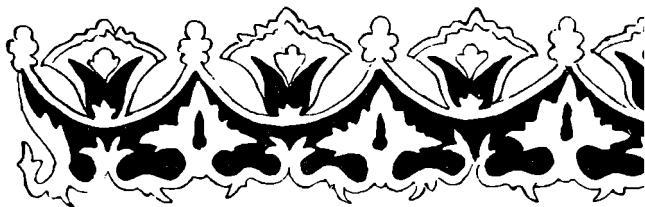
² Батыр — герой.

³ Кзыл-аскер — красноармеец.

У меня халат из парчи,
Куний мех на шапке моей,
А вокруг цветы и лучи
И улыбки, весны светлей!..
Счастье родины расцвело,
Словно яблонные сады;
Под твоим орлиным крылом
Мы живем, не зная беды.
За счастливую, светлую жизнь на земле,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

Ты эпоха — подруга моя,
Комсомол — ты ровесник мой!
Уезжая в степные края,
Я пою с родной страной:
Сталин — в каждой мысли у нас,
Сталин — в каждом сердце у нас,
Сталин — в каждом деле у нас,
Сталин — в каждой песне у нас.
Твоя жизнь кипит в труде и борьбе,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

МОСКВА

Бессмертное сердце страны!
Владычица мыслей, Москва!
Не раз у Кремлевской стены
Склонялась моя голова.
Не раз на пороге весны,
Когда зеленела трава,
По праву певца-старшины
К тебе обращал я, Москва,
И голос хвалебной струны
И полные ласки слова!

Шуршит, опадая, листва,
Снежинки снуют над Кремлем,
Природа ясна и трезва,
А ты, трудовая Москва,
Сражаешься с пьяным зверьем...
Врагу не видать торжества!
Набьешь ты свинцовым огнем
Живот ему тощий, Москва!

О полная мощи Москва,
Будь с немцами жестче, Москва!
Дави их и ночью и днем,
Руби их, как рощи, Москва!
Твой враг беспощаден, Москва!
Он злобен и жаден, Москва,
Но сломишь ты гадин, Москва, —

Твой каждый овраг и подъем
Фашистов схоронит живьем!

Мне птицы стрекочут: «Москва...»
Мне горы грохочут: «Москва...»
Твой подвиг под Млечным путем
Мне звезды пророчат, Москва!
Ты кладезь сокровищ, Москва!
Ты краше, чем все божества.
Я замер в горячей мольбе...
Подобно кинжальной резьбе,
Да будут чеканны слова.
Всю суть своего существа
Джамбул обращает к тебе,
К тебе, вековая Москва!

Когда низвергает злодей,
Не видя здесь целей своих,
В тревожную тьму площадей
Железо изделий своих —
Я знаю, ты прячешь детей
На дне подземелий своих,
Где тянутся рельсы путей
Сквозь мрамор ущелий своих.
Когда на бомбежку с лихвой
Твоя откликается тишь,
Я знаю, что даже глухой
Подвластен призыву: «Услышь!»
Метнет ли разведка лучи,
Их в небе скрестив над Москвой,
Я знаю, что даже слепой
Стервятника видит в ночи.
И тот, кто под славой знамен
Кремлевской стеной осенен,
Кто вечен в прозрачном гробу,
Я знаю — он слышит стрельбу,
Он слышит призывы племен,
Он в нашу вникает судьбу,
Он гневом безмолвным объят,
Он пушечный слышит раскат,
Что с дальнего шлют рубежа,

И тайные вздохи томят
Ту грудь, над которой, дрожа,
Священные стекла звенят.
Я знаю, что дети Москвы
Дерутся, как гордые львы,
И мстят за кровавый разбой.
Мы внемлем стоустой молве,
Мы знаем, что Сталин в Москве,
Что он неразлучен с Москвой.

Три дюжины лет протекло
С тех пор, как, воюя с царем,
Рабочее воинство шло,
С винтовками шло и с дубьем
И царских орлов на бегу
Топтало в московском снегу.
Прошла еще дюжина лет:
Послышался ленинский клич —
И свой большевистский Совет
Отстаивать вышел москвич.
И год он сражался и два,
Голодный, продрогший москвич,
Но вырвал у недруга бич,
И верх одержала Москва.
Здесь Ленин народу служил,
Здесь, после бессонных ночей,
Он сном непробудным почил.
В дни праздников здесь москвичей
Приветствует Сталин родной.
Здесь он пятилеткой тройной
Упрочил порядок земной.
Здесь высек он искры печей.
Здесь он опекал малышей.
Отсюда с огромной страной
Сопряг он величье речей.

Мы знаем, что значит Москва:
Над миром маячит Москва.
А век твой лишь начат, Москва!
В дни грозных осенних боев
Неужто заплачет Москва?

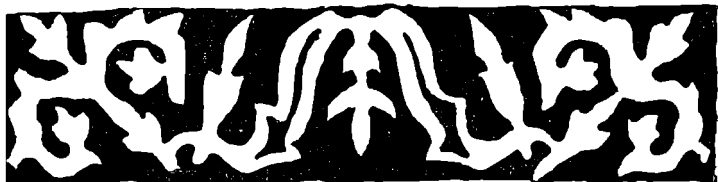
Неужто разбойничий рев
Тебя озадачит, Москва?
Всем может простой человек
Тебя обеспечить, Москва!
Тебе ни ненастье, ни снег,
Ни гладь замерзающих рек
Не станут перечить, Москва!
Не даст, не позволит вовек
Себя онемечить Москва!

Друзья! Не во сне — наяву
Разбойники рвутся в Москву.
В опасности наша Москва!
Помочь ей, немедля помочь!
Дай брата, дай сына и дочь,
Родимого дома глава!
Врагов измолоть, истолочь,
Откинуть их скопища прочь,
Пожертвовать всем для Москвы,
Народы, обязаны вы!
В Сибири, в Крыму, на Неве
Страна помогает Москве.
Наш Риддер, Чимкент и Балхаш,
Арал и его острова,
Бурильщик и угольщик наш
Тебе помогают, Москва.
Толки казахстанских сынов
Участвуют в смертном бою
За тысячи светлых домов,
За душу, столица, твою.

Мне ветер, мне поле — родня.
С пленок в седле я живу.
Чуть свет я сажусь на коня,
Поводья, как юноша, рву
И мчусь, стремянами звеня,
И всех, узнающих меня,
Москве на подмогу зову.
В Москве еще рано, светло,
Несметно проезжих число,
А здесь уже шепчет мне ночь:

«Покинь, престарелый, седло!
Ты должен и песней помочь».
И вот, заодно с темнотой,
На запад я взором плыву,
Где теплится день золотой...
Колени к сырому жнитву
Джамбул преклоняет седой;
Мигает звезда в синеве,
Сверкает в речном рукаве;
Я струнную рву тетиву,
Я звоном пугаю сову
И песню творю о Москве —
Москве. Для Москвы. За Москву.

ПЕСНЯ О БРАТСТВЕ НАРОДОВ

Пришли ко мне люди на ясной заре:
«Сыграй нам о прошлом, ата¹, на домбре».

Я тронул струну, но не в духе домбра,
В глухом ее голосе нет серебра,

Похож ее тихий обиженный звон
На жалобы ветра, на сдавленный стон.

Не хочет домбра расшевеливать ран,
Не хочет звенеть про кандальный заман²,

Но старые раны, как угли, горят,
И песня взлетает, как стая орлят.

Россия была для народа тюрьмой.
Дышали народы отравленной тьмой.

Не видели люди из душных темниц
Ни солнца, ни зорь, ни волшебных зарниц.

Палач-император народы губил,
Как диких зверей, друг на друга травил —

И в ярости темной за сабли брались
Забитый казах и бездольный киргиз;

¹ Ата — отец.

² Заман — время, эпоха.

Вдыхая отравленный злобой туман,
Шел тюрок с кинжалом на землю армян;

Рыданий, проклятий и стонов полна,
Катилась еврейских погромов волна;

Спадала волна, поднималась — и вновь
Дымилась горячая братская кровь.

Но Ленин и Сталин — батыры земли —
Пришли и октябрьские зори зажгли.

Восстали миллионы забитых рабов,
Штыки повернув на заклятых врагов.

И рухнули своды позора и тьмы —
Российской империи, душной тюрьмы.

Два сказочных десятилетия прошли,
И нам не узнать обновленной земли:

Горит в самоцветах Советский Союз,
Свободны казах, армянин, белорусс,

Таджик, и народ закаспийских сторон,
И все шестьдесят возрожденных племен.

Смотрю я на север — светлее слюды
В полярном сиянии плавают льды.

Смотрю я на юг — изумрудны сады,
Качаются пальмы, стройны и горды.

Смотрю я, волнуясь, на Дальний Восток —
Там синий простор океанских дорог.

Смотрю я на запад — там, сердцу близка,
Рубинами в небе пылает Москва.

По всем необъятным просторам, везде
Я вижу веселую дружбу людей.

Где гневно свистели камча¹ и картечь,
Я слышу спокойную братскую речь.

А где же вражда ослепленных племен?
А где же неписанный волчий закон?

Где сабельный звон, колыхание пик
И кровь, что потоком стекала в арык?

Исчезла племен и народов вражда
Под сталинским солнцем. Навек! Навсегда!

Бледны и бессильны слова у певцов.
Пред нами одиннадцать стран-близнецов,

И счастлив и радостен каждый близнец:
Их мать — Конституция, Сталин — отец.

Их Сталин лелеет, растит и ведет.
Великое братство народов цветет.

На черную зависть и злобу врага,
Священная дружба народов крепка.

Как клятва над Ленинским гробом — крепка,
Как в Арктике льды и сугробы — крепка.

Как Сталина светлая слава — крепка.
Как скалы вершин Ала-тау — крепка.

Как наши кремлевские стены — крепка.
Как новая сталь из мартена — крепка.

Как сила прибоя Арала — крепка.
Как сплав тугоплавких металлов — крепка.

Ликуйте, народы! Цветите и пойте!
Дворцы из гранита и мрамора стройте!

Растите хлеба! Разводите сады!
В пустыни вторгайтесь разливом воды,

¹ Камча — нагайка, плеть.

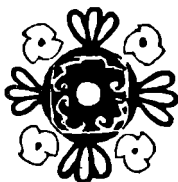
Чтоб нежные яблони там расцветали.
Мы с именем Сталина всё побеждали —

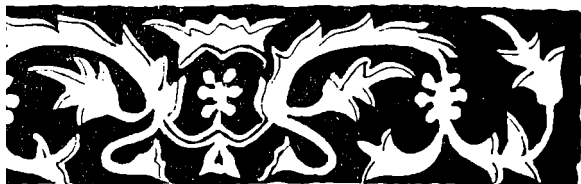
Мы с именем Сталина всё победим.
Клокочет заветная песня в груди —

В ней Сталину слава, любовь, уваженье,
Без края восторг, без границ восхищенье,

На всех языках и наречьях рахмет¹
За двадцатилетье великих побед!

¹ Р а х м е т — спасибо.

ЛЕНИНГРАДЦЫ, ДЕТИ МОИ!

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск невской струи.
Если вдоль снеговых хребтов
Взором старческим я скользну —
Вижу своды ваших мостов,
Зорь балтийских голубизну,
Фонарей вечерних рои,
Золоченых крыш острия...
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!

Не затем я на свете жил,
Чтоб разбойничий чують смрад;
Не затем вам, братья, служил,
Чтоб забрался ползучий гад
В город сказочный, в город-сад;
Не затем к себе Ленинград
Взор Джамбула приворожил!
А затем я на свете жил,
Чтобы сброд фашистских громил,
Не успев отпрянуть назад,
Волчьи кости свои сложил
У священных ваших оград.
Вот зачем на север бегут
Казахстанских рельс колен,

Вот зачем Неву берегут
Ваших набережных края,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

Ваших дедов помнит Джамбул,
Ваших прадедов помнит он:
Их ссылали в его аул,
И кандалный он слышал звон.
Пережив четырех царей,
Испытал я свирепость их;
Я хотел, чтоб пала скорей
Петербургская крепость их;
Я под рокот моей струны
Воспевал, уже поседев,
Грозный ход балтийской волны,
Где бурлил всенародный гнев.
Это в ваших стройных домах
Проблеск ленинских слов-лучей
Заиграл впервые впотьмах!
Это ваш, и больше ничей,
Первый натиск его речей
И руки его первый взмах!
Ваших лучших станков дары
Киров к нам привез неспроста:
Мы родня вам с давней поры —
Ближе брата, ближе сестры
Ленинграду Алма-Ата.

Не случайно Балтийский флот,
Славный мужеством двух веков,
Делегации моряков
В Казахстан ежегодно шлет.
И недаром своих сынов
С юных лет на выучку мы
Шлем к Неве, к основе основ,
Где, мужая, зреют умы.
Что же слышит Джамбул теперь? —
К вам в стальную ломится дверь,
Словно вечность проголодав,

Обезумевший от потерь
Многоглавый жадный удав...
Сдохнет он у ваших застав!
Без зубов и без чешуи,
Будет в корчах шипеть змея,
Будут снова петь соловьи,
Будет вольной наша семья,
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!

Как владычицу меж владык,
Почитать я землю привык.
Ныне страшный в ней выжжен след,
Причинен ей огромный вред,
Беспоощадно ее грызет
Окровавленный людоед.
Но последний близок расчет,
И земля — в преддверье побед.
Вся страна идет на врага,
Поднимается весь народ,
И не сломит наших свобод
Груз фашистского сапога,
Не коснется вражья нога
Вас, наследственный наш оплот.

Ленинградские берега!
Вы громили врага и встарь:
Не одна враждебная тварь
Свой могильный нашла покров
У прославленных островов.
К вам в разгар гражданской войны
Подбирался царский холоп —
Вы его увидали в лоб,
Увидали и со спины.

Ленинград сильней и грозней,
Чем в любой из прежних годов:
Он отпор отразить готов!
Не расколют его камней,
Не растопчут его садов.

К Ленинграду со всех концов
Направляются поезда:
Провожают своих бойцов
Наши села и города.
Взор страны грозиво-свинцов,
И готова уже узда
На зарвавшихся подлецов.
Из глубин казахской земли
Реки нефти к вам потекли,
Черный уголь, красная медь
И свинец, что в срок и впопад
Песню смерти готов пропеть
Бандам, рвущимся в Ленинград.
Хлеб в тяжелом, как дробь, зерне
Со свинцом идет наравне.
Наших лучших коней приплод,
Груды яблок, сладких, как мед, —
Это все вам должно помочь
Душегубов откинуть прочь.
Не бывать им в нашем жилье!
Не жиреть на нашем сырье!

Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя,
Слышат пастбища Сырь-Дары
Вой взбесившегося зверья.
Если б ныне к земле приник,
Только б ухом приник Джамбул
Обрела бы земля язык,
И дошел бы сквозь недра гул,
Гул Отечественной войны
На просторах родной страны.
Всех к отпору Жданов призвал:
От подъемных кранов призвал,
От огромных станков призвал,
От учебных столов призвал.
В бой полки Ворошилов ведет,
Вдоль холмов и долов ведет,
Невских он новоселов ведет,
Невских он старожиллов ведет.
Беспечален будь, Ленинград:

Скажет Сталин: «В путь! В Ленинград!»—
Все пойдут на выручку к вам,
Полководческим вняв словам.
Предстоят большие бои,
Но не будет врагам житья!
Спать не в силах сегодня я...
Пусть подмогой будут, друзья,
Песни вам на рассвете мои,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

ПЕСНЯ ПРО БАТЫРА ЧАПАЯ

Над Волгой-рекой, над хребтами Урала
Клубилися тучи и буря крепчала.
Под гул канонады, на страх генералам,
Родился в народе Чапай.

Горели его соколиные очи:
Он видел сквозь мрак нависающей ночи,
Что хлеб осыпается, необмолочен,
Что вражьей рукой сельсовет заколочен,
Что копы и сабли отцовские точит
Врагами поруганный край.

И понял Чапай, что назрела расплата,
И выбрал Чапай в табуне казаната¹,
И выехал в степи он в бурке крылатой,
О камень копьё наточив.

И крикнул Чапай, чтоб округа слыхала:
«Вставай, беднота, наше время настало,
Круши, голытьба, палачей-генералов,
Сражайся за то, чтобы солнце вставало.
За то, чтобы родина-мать расцветала,
За травы Тургая, за руды Урала,
За красную рыбу седого Арала,
За шелест актюбинских нив».

Поехал Чапай со звездой на папaxe,
Пошли за Чапаем, забывши о страхе,
С ватагами русских башкиры, казахи,

¹ К а з а н а т — конь-скакун.

Отряды киргизов, татар,
Чью землю топтала орда генералья,
В чье тело вгрызались зубы шакальи,
Чья кровь оплатила чины и медали
Поганого племени бар.

Поехал Чапай с обнаженным булатом,
Со сталинским, крепким, как клятва,
мандалом.

Был Фрунзе Чапаю и другом и братом,
Стальной Ворошилов Чапаю был братом,
Любимый наш Киров Чапаю был братом,
Бесстрашный Буденный Чапаю был братом,
И пламенный Куйбышев был ему братом —
Пример их его вдохновлял.

Поехал Чапай — светлой правды носитель,
Посланец народа, разгневанный мститель,
Вожак бедноты и борьбы вдохновитель,
В папахе и бурке — батыр-победитель,
И враг перед ним задрожал.

Громя генеральскую конную лаву,
Рубил он налево, разил он направо,
Он вражеской кровью обрызгивал травы —
Летела его легендарная слава
В Кастек, в Орымбор и Тургай.

Как душная тьма от дневного сиянья,
Как тигра узнавшее стадо кабанье,
Бежали враги, прерывая дыханье,
От грозного слова — Чапай!

От страшных ударов чапаевской сабли
Враги отступали, терялись и слабли,
И волчья их кровь, истекая по капле,
Дымилась черной рекой.

Бедняцкое счастье в сраженьях рождалось,
Пшеница на барской земле засеивалась,
В серебряной Волге заря отражалась,
Закат догорал золотой.

Чапай говорил: «Полыхайте, зарницы,
Звените по рощам, веселые птицы,
Садами цветы и волнуйся пшеницей,
Зеленый и солнечный край!»

Пшеница шумит, на дожди не в обиде...
Но больше в просторное поле не выйдет,
Пшеницы колхозной в полях не увидит
Родной и любимый Чапай.

Его окружила поганая сила,
Горячая пуля Чапая скосила.
И стал ему вечной холодной могилой
Седой и глубокий Урал.

Чапай не вернется... Но дело Чапая,
Как вечные звезды, горит, не сгорая.
Осталась чапаевцев грозная стая —
И враг в них Чапая узнал.

Они не забудут Чапая родного!
Над родиной небо цветет бирюзово.
Затихли бои, и колышутся снова
Хлеба на крутом берегу.

Чапаевец ходит, хлеба карауля,
В медовые, теплые ночи июля.
И каждое зернышко зреет, как пуля —
Смертельная пуля врагу.

Под сталинским солнцем страна расцветает.
Согреты заботою дети Чапая,
Увенчана славой чапаевцев стая,
Чапай всем народом любим.

Мы помним Чапая! Мы все наготове.
Звенит наше мужество в сталинском слове,
И землю, где капли чапаевской крови,
Мы кровью своей защитим.

Напрасно фашистских земель генералы,
Пронзительно воя, как ночью шакалы,
Мечтают и в Волге и в водах Урала
Горячих коней искупать.

Когда заиграет труба боевая,
Штыки засверкают от края до края,
Взовьем мы бессмертное знамя Чапая,
С которым нельзя отступать!

ПЕСНЯ О ПУШКИНЕ

Горишь ты алмазом, цветешь, как рубин,
Поэзии русской могучий акын.
Жемчужины песен ты миру создал.
Из черного века твой гений сверкал.
Трусливая свора придворных царя
Гнала тебя в горы, презреньем даря.
Не в битве великой и не от меча,
Погиб ты от грязной руки палача.
Но что тебе смерть, если песня жива?
Сияют твои золотые слова.
Сто лет пронеслось, как тебя погребли. --
Ты стал всенародным акыном земли.
Читают тебя с упоеньем в глазах
Башкир и туркмен, белорусс и казах.
Из песен твоих не забыть ни одной.
Ты, Пушкин, народному сердцу родной!
Ты в век наш врываешься музыкой слов,
Сияньем зари, ароматом цветов.
Живем мы всё лучше и всё веселей,
Греми же, бессмертный, как жизнь, Соловей!

ПЕСНЯ СОЛНЦУ

Звени первомайскою песней, земля!
Лети, первомайская песня моя!
Молодость жизни, как солнце, встает,
Ковер изобилия стелет земля.

Народ мой из нор вековых и берлог,
Из вечных могил, из холодных берлог
Вышел за Лениным в Октябре
На самую солнечную из дорог.

Цвети, моей Родины радостный сад,
Лети, соловей, в мой ликующий сад,
Песню о юности, как соловей,
Пой, кто душою и сердцем богат.

Вышел и вырос, как гордый чинар,
Красавец Востока, могучий чинар,
Народ мой, хозяин цветущей земли,
Хозяин степей, городов и отар.

В глубоких ущельях деревья растут,
Жемчужные реки в долинах бегут,
А гордые горы над Алма-Ата,
Как слава и сила народа, встают.

Бескрайная степь, пробуждаясь от сна,
Проклятых столетий тяжелого сна,
Юности дар отдает старикам,
И вечную юность встречает весна.

Цветами богат наш торжественный май,
Сердца зажигающий пламенный май.
Встречает, как счастье, и молод и стар
Под сталинским солнцем чарующий май..

Цвети, моей Родины радостный сад,
Лети, соловей, в мой ликующий сад..
Песню о радости, как соловей,
Пой, кто душою и сердцем богат!

Солнце, ты счастье повсюду раздай,
Песни и наше тепло разливай,
Лучами горячими рви рубежи,
Пусть всюду проходит наш солнечный май!

Солнце, скажи, что душою Джамбул
В Киргизии — там, где поет Алымкул,
И в Грузии солнечной, и в Кабарде,
И там, где Мадрид, как батырский аул!

Цвети, моей Родины радостный сад..
Лети, соловей, в мой чарующий сад..
Песню о радости, как соловей,
Пой, кто душою и сердцем богат!

О солнце, ты песню Джамбула разлей,
Ты песню великих народов разлей
Повсюду, где праздника майского ждуть..
Повсюду, где люди живут на земле!

Пусть счастье сияет и радость горит.
Пусть беркут победы над миром парит..
Пусть с нашею песнею шар земной
Голосом радости заговорит!

Ты, солнце! Улыбки твои горячи.
Ты, солнце! Подарки твои горячи.
Ты ханам, царям и владыкам земли
Свои равнодушно бросало лучи...

Но Сталин, душой что тебя горячей..
Теплее твоих жизнедарных лучей,

Заставил тебя для народа пылать
Костром, зажигающим души людей.

Цвети, моей Родины солнечный сад,
Лети, соловей, в мой ликующий сад,
Песню о юности, как соловей,
Пой, кто душою и сердцем богат!

О солнце! Ты знало ли в мире закон?
Ты, солнце, видало ли в мире закон?
Светлее тебя и теплее тебя —
Сталинской, радостной жизни закон.

Моя Конституция — это цветы
В долгих столетиях рожденной мечты.
Солнце, как счастья бессмертный родник,
Моя Конституция, Сталин и ты!

ОТВЕТ СЫНУ

Как последним письмом, сынок,
Ты порадовал сердце мне!
Ты — с гвардейцами наравне,
Ты в отлучке не одинок.
Будь подобен предкам своим,
Саурыку и Суранши,
Во вторую из грозных зим
Без пощады немца глуши!

Боевые твои друзья
Написали вместе с тобой.
В каждом слове их слышу я
Свист меча над вражьей толпой.
Это братья твои, сынок!
Это дети нашей страны!
От волнующих, теплых строк
Веет мужеством старины.
Вы мне пишете: «Злобный враг
Скоро канет в подземный мрак.
Дни разбойников сочтены!»

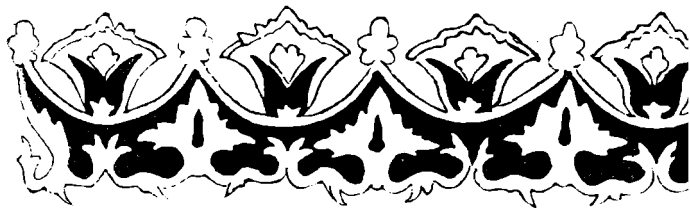
Помни, сын мой, слово отца
О приказе родной земли!
Был приказ: стоять до конца, —
Стой и немца свинцом сверли!
Верен будь присяге своей,
В битве, сын мой, сил не жалей.
Вижу я из твоих простых
И по-воински скромных строк,
Что немало дел золотых
Совершил ты в короткий срок.

Ваши части гонят врага,
Остановлен вражий набег,
Очищаются берега
Замутившихся русских рек.

«Мертвой нечистью путь устлав,
Перед Родиной воин прав» —
Так ты пишешь, и вот ответ:
Мертвой нечистью путь покрыт,
Но не сыт я, мой сын, не сыт,
Я не сыт, и покоя нет...
Пусть отец твой годами стар —
Жажда мести мне сердце жжет.
За ударом нужен удар,
Новой славы отчизна ждет,
Не окончен победам счет,
Полной мести близок разгар,
Грозных молний виден полет!
Помни, сын, что истый джигит
Не боится своих врагов.
Если будешь и ты таков —
Станешь славен и знаменит.
Только помни: сил не жалей,
Не щади себя, Алгадай,
С оскверненных наших полей
По-гвардейски нечисть сметай!

Будь бесстрашен, мой Алгадай,
Немцам отдыха не давай!
Если трусишь — не пощажу.
Если выступишь — награжу
Тем, что внукам в песнях моих
О твоих друзьях боевых,
О делах твоих расскажу.

НА СМЕРТЬ СЫНА

О сыны мои, о сыны!
Свирепые бури кому не страшны?

Тополь до корня качается в горе,
До самого дна волнуется море.

Седая скала лишь встречает в упор
Неистовой бури свирепый напор.

Крепок чрессёдельник, силен верблюд,
Не сломят его ни груз, ни труд.

Так старый Джамбуй духом силен,
Под вестью тяжелой не сломится он,

Что сын его милый, сын-герой
Отнят безвременно злой судьбой.

О сыны мои, о сыны!
Герои отвагою рождены.

Коль голову сложат, грома врага, —
Их память народу навек дорога.

А крепости вражьи сумеют взять —
Их славе в народе вечно снять.

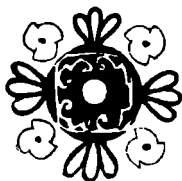
За Родину смерть — продолжение жизни,
Пример молодым, как стоять за отчизну.

И клятву свою Алгадай оправдал.
Без страха за Родину смерть он принял,

Он сыном народа отважного был,
Который извечно отважным слыл.

О сыны мои, о сыны!
Как бьетесь с врагом вы за счастье страны,

Так старый Джамбул, ваш отец, заплет
И песнями к мести народ поведет.

УТЕГЕН-БАТЫР

Поэма

Вольно, просто, вдохновенно.
Как арык играет пеной,
Я, Джамбул, пою поэму
Про батыра Утегена.

Я не сам ее слагаю.
Где я взял ее, не знаю.
Мне ее пропели ветры,
Что степями пролетают.

В криках дикого оленя,
В соловьином нежном пенье,
В гордом клекоте орлином
Я слышал об Утегене.

В плеске волн и в шумной пене,
В тихих шелестах растений,
У зари, у звезд падучих
Я узнал об Утегене.

По горам и по долинам
Я бродил, аул покинув,
И слышал об Утегене
От жирши¹ и от акынов.

Век за веком шли бессменно,
Но хранила Утегена

¹ Ж и р ш и — певец.

Память нашего народа,
Что бессмертна и нетленна.

Я домбру звенеть заставлю,
Утегена я прославлю,
Но к народному преданию
Я ни слова не добавлю.

Не лукавя, буду петь я,
Чтобы встал в правдивом свете
Этот образ величавый,
Пронесенный сквозь столетья.

Утеген родился летом,
Теплой ночью, пред рассветом
В Джетысу, в роду Дулата
И в семействе Сырымбета.

Ветры теплыми ночами
Колыбель его качали.
Два крутых, упрямых рога
Ясный лоб его венчали.

С детства счастье с ним дружило.
Говорили старожилы,
Что рога его крутые —
Верный знак батырской силы.

Светлый ум и жар стремлений
Покоряли в Утегене.
Статный, гордый и красивый,
Он похож был на оленя.

Развились в батыре рано
Ловкость барса, слух джайрана¹,
Зренье беркута и сила
Непокорного арстана.

Был он первым среди сотен
На байге² и на охоте,

¹ Джайран — горный козел.

² Байга — скачки.

А в кругу друзей на тое¹
Весел, прост и беззаботен.

Так, как любят мать родную,
Он любил страну степную,
Горечь трав, цветов дыханье,
Жизнь казахов кочевую.

Джетысу — земля казахов —
Знала много бед и страхов
И была залита кровью
Человеческой, как плаха.

Споры в тех краях решались
Силой мускулов и стали.
И киргизы, и калмыки,
И казахи враждовали.

Сабли острые свистели,
Кони ржали, стрелы пели.
К свежим трупам после сечи
С криком коршуны летели.

В восемнадцатом столетье
Степь постигло лихолетье:
Белый царь грозил походом,
Кандалы суля и плети.

Над кочевьями, как птицы,
Вились крыльями зарницы.
И в зловещих предсказаниях
Быль сплеталась с небылицей.

Стоны плыли над степями,
Над джайляу², над горами:
«Джетысу к царю отходит.
Горе нам! Что будет с нами!»

В Утегене зазвучали
Струны гнева и печали,

¹ Той — пир.

² Д ж а й л я у — летнее стойбище.

Но в огне беды народной
Воля стала тверже стали.

То, о чем не знали люди,
Утеген бывало судит.
Он имел в себе чудесный
Дар предвидеть то, что будет.

Он предвидел: царь с ордою
Кровь в степях прольет рекою
И народ родной застонет
Под тяжелою пятою.

Понял он: в кровавом споре
Дрогнут ханы и в позоре
Примут царскую присягу,
Обрекая степь на горе.

Ханы, хитростью богаты,
Предадут народ за плату —
За кокарды, за медали,
За парчевые халаты.

Страху он не предавался,
Только силы набирался.
И в далекие походы
Терпеливо собирался.

И когда закончил сборы,
Засверкал орлиным взором,
Как батыр, повел с народом.
Он такие разговоры:

«Мой объятый тревогой народ,
Белый царь собирает поход.
В Джетысу его войско придет
И казахов в бою разобьет.

Кровь джигитов он хищно прольет,
Жен и девушек в плен уведет,
Скот угонит и землю возьмет —
Оттеснит тебя, бедный народ,

В глубь пустынь, где трава не растет,
Где лишь солнце с бескрайних высот
Беспощадно и гневно печет,
Где вода и весной не течет,

Где лишь огненный ветер плывет
И песок по барханам ползет,
Где мираж над песками цветет,
Обещая журчание вод.

Кто же к призрачным водам пойдет,
Тот могилу в пустыне найдет.
Мое сердце тревога берет —
Неизбежен царя к нам приход.

Надо прямо смотреть нам вперед —
Ждет беда у аульных ворот.
Наступает решающий год.
Надо действовать. Время не ждет!

Кто из вас в себе силы найдет
Разорвать паутину дремот?
Кто коней в табунах отберет
И пойдет с Утегеном в поход?

Утегена не слава влечет
И не кровью добытый почет.
Утеген целый свет обойдет,
Но удобные земли найдет,

Где вода ключевая течет,
Где трава, зацветая, растет,
Где невиданный даст нам приплод
Потучневший на пастбищах скот,

Где вздохнет от беды и невзгод,
Где забудет насилье и гнет
И заветное счастье найдет
Мой любимый казахский народ».

Смолк батыр, зовущий к славе,
На коне седло поправил.

Речью жаркою он многих
Призадуматься заставил.

Речь держал он не напрасно,
Призывая в путь опасный.
Вышли пятьдесят джигитов
И сказали: «Мы согласны».

Сразу смолкли разговоры,
Сникли ссоры, стихли споры,
Зазвучали причитанья,
Начались в кибитках сборы.

Утеген для нужд похода
Взял с собою много меда,
Чаю, риса, белой соли,
Чтоб хватило на два года.

Взял табун коней ретивых,
Тонконогих, длинногривых,
Как джигиты, огнеглазых
И, как девушки, красивых.

Звонко цокнули копыта.
Начал путь батыр со свитой.
Воздух подвигов вдохнули
Утеген и с ним джигиты.

Пылью путников встречая,
Шла дорога в царство чая,
На восток, где солнце всходит,
В земли желтого Китая.

Ехали, как едут к Мекке,
Через горы, через реки.
Наконец предстал их взорам
Золотой от солнца Пекин.

Там, как пышные павлины,
Восседали мандарины.
На полях под жарким солнцем
Земледельцы гнули спины.

И земли так мало было,
И людей так много было,
Что в глазах у Утегена
С непривычки зарябило.

Там народ, терпя невзгоды,
Вел борьбу за рис и воду.
Места не было в Китае
Для казахского народа.

Хоть джигиты утомились,
Пылью серою покрылись,
Не найдя земли заветной,
Всё ж в обратный путь пустились.

Степи, горы, перевалы,
Свет от звезд да тень от тала¹...
В Утегене и джигитах
Сила воли не упала.

Путь они держали долго,
Наконец в долине волглой
Запылал большим пожаром
Кровавой закат над Волгой.

Перед ними полем бурым,
Неприветливым и хмурым
Стлалась царская Россия —
Край цепей, штыков и тюрем.

Вот отсюда в путь разбоя
Белый царь пойдет с ордою,
Чтоб казахские кочевья
Сделать вечною тюрьмою.

Жаден царь, свиреп и страшен,
Табуны угонит наши,
Уведет с собой в неволю
Стройных девушек-казашек.

«Дальше, дальше!» крикнул страстно
Утеген, и окрик властный

¹ Т а л — ива, лоза.

Послужил для всех сигналом
Продолжать поход опасный.

Снова горы-перевалы,
Ветер горький, одиночный.
Где кибитка Утегена
В эти дни не побывала!

Утеген бродил по свету
В стужу зим и знойным летом,
Как Қоркыт, домбрист чудесный.
В песнях Родины воспетый.

Розоватой, росной ранью
Гасло в небе звезд сиянье.
В земли бедные хозаров
Привело его скитанье.

Увидал вожак похода:
Тощи травы, ржавы воды...
Нет и здесь земель привольных
Для казахского народа.

Накормив коней досыта,
Наварив побольше жита,
Утеген неутомимый
К Актюбе повел джигитов.

Кони тронулись гарцуя,
Словно жар, горела сбруя,
И отточенные сабли
Засияли, словно струи.

Степи, балки, перевалы,
Дальний крик гусей усталых...
Как серебряные слитки,
Актюба им засверкала.

И тогда косем¹ упорный,
От дорожной пыли черный.
Приказал разбить кибитки
У реки, в степи просторной.

¹ Косем — вождь.

Сел косем. Река бежала,
Степь прохладой дышала,
И кумыс струей душистой
Лился, горло освежая.

Утеген молчал. Как птицы,
Мысли легкой вереницей
Отгоняли сон и дрёму,
Трепетали, как зарницы.

«Я жену оставил дома,
И, пространствами влекомый,
Как Қоркыт, в степях скитаюсь
В блеске молний, в гулах грома.

Но народ родной люблю я.
Землю для него найду я.
И земля удобной будет,
Как коню — седло и сбруя».

Так он думал, и молчали
Степи, полные печали.
Под шатром ночного неба,
Утомясь, джигиты спали.

Месяц строен был и тонок;
Как красивый жеребенок,
Он по звездному джайляу
Набирался сил для гонок.

Тишина весь мир обвила,
И, казалось, слышно было,
Как звезда с другой звездой
Тихо в небе говорила.

Вдруг все травы зашумели,
Кони жарко захрапели,
И джигиты, просыпаясь,
Поднялись с своих постелей

И почувствовали сразу,
Как тлетворную заразу,

Душный, чадный запах гнили,
Не дающий видеть глазу.

Запах едкий и смердящий,
Словно дым кошмы горящей,
Слезы вызвал у джигитов,
В темном ужасе дрожащих.

Тяжело дышать им стало.
Сердце каждого шептало:
«Ой-бой-боу! На чужбине
Смерть меня подстерегала».

Все джигиты вокруг косема
Собрались, от страха немые,
И один джигит промолвил:
«В эту ночь погибнем все мы».

Утеген, стрелок отличный,
К бедам с юности привычный,
Не дрожал, не волновался,
Вид имел совсем обычный.

Как батыр, прошедший войны,
Уважения достойный,
Утеген сказал джигитам
Тоном ровным и спокойным:

«Клубы гнилостного пара —
Это запах айдахара¹,
Но чудовище, должно быть,
Не затеет с нами свары.

Айдахар пришел к нам сытым,
Где-нибудь поодаль спит он.
Подождем. А страх впустую
Непристойен для джигита!

Будь он зол — давно напал бы,
Растерзал и всех пожрал бы:
Как пылинка пред горою,
Пред чудовищем мы слабы.

¹ Айдахар — змей удав.

Если ж нас он не тревожит,
Значит мы спокойно можем
Отдыхать под синим небом
На кошме походным ложем.

Задымит восток пожаром,
Мы увидим айдахара.
Я его повадки знаю —
Он пришел сюда недаром».

Безотчетный, темный ужас
Поселил в джигитах стужу.
Утро ясное им стало
Черной, страшной ночи хуже.

Утеген — батыр казахов —
Без сомнения и страха,
Даже брови не нахмутив,
Сел в седло свое с размаху.

С видом гордого батыра,
Кто хранит желанья мира,
Он подъехал к айдахару,
Как таксыр¹ в аул к таксыру.

Осадил батыр тулпара.
Грозен вид у айдахара!
Он дышал, и жаркий ветер
Из ноздрей клубился паром.

Вид горы большой имело,
Было влажно и блестело,
Вздыбленной сто раз волною
Громоздилось его тело.

Он пестрел, лучом пригретый,
Шерстью всех цветов одетый.
Два стеклянных, мертвых глаза
Зеленели тусклым светом.

Приготовившись к удару,
Глаз рукой закрыв тулпару.

¹ Таксыр — господин.

Утеген сказал спокойно,
Обращаясь к айдахару:

«Эй, чудовище, мощен твой род!
Ты лежишь, подперев небосвод.
В твой разъятый дымящийся рот
Весь табун лошадиный уйдет.

Твой тяжелый, медлительный ход
Степь от края до края трясет.
Почему ты закрыл нам проход?
Не пускаешь джигитов вперед?

Я батыр Утеген. Мой народ
В Джетысу изумрудном живет.
Я пустился в далекий поход,
Как орел в поднебесный полет.

Меня знойное солнце печет,
Меня дождь беспощадно сечет,
Суховей меня пламенем жжет
И песком набивает мой рот.

Я брожу не один уже год
Средь степей, диких гор и болот,
И где желтого солнца восход,
И где красного солнца заход.

Я ищу не один уже год
Край, где жизнь без насилья цветет.
Где родной мой казахский народ
Землю, воду и счастье найдет.

Ведь печаль в твоём сердце живет,
Как во мне. Дай свободный проход.
Новый путь меня властно влечет,
И народ моих подвигов ждёт».

Приоткрыв глаза и уши,
Айдахар батыра слушал,
Развалиясь цветисто-пестрый,
Как гора, огромной тушей.

Он одобрил в Утегене
Смелость, ум и жар стремлений
И, собрав все тело в складки,
Дал дорогу в две сажени.

Солнцем радости облиты,
Поскакали в путь джигиты.
Страх и горе темной ночи
Были сразу позабыты.

Но шесть верст не проскакали —
Словно вкопанные стали:
Снова прямо пред собою
Айдахара увидали.

Утеген, грозы суровой,
Меч для битвы приготовил
И к чудовищу подъехал,
Смоляные хмурия брови.

А чудовище лежало,
Воздух свистом оглушало,
По земле хвостищем било
Так, что степь под ним дрожала.

Брызжась яростно и гневно
Ядовитой теплой пеной,
Рвалось в горы и как будто
Призывало Утегена.

Утеген с надежной свитой
Из пяти своих джигитов
В горы синие поехал
За чудовищем сердитым.

Перед их спокойным взглядом
Встали дикие громады.
С гор спадали в блеске радуг
Два кипящих водопада.

А в седых горах открылся
Вход в пещеру. Пар клубился.

Айдахар перед пещерой,
Задрожав, остановился.

Утеген подъехал ближе
К валунам, что пена лижет,
И, блеснув ружьем на солнце,
Подал знак: «Входи! Входи же!»

Айдахар вошел и воем
Известил начало боя.
Шум, и свист, и хруст, и скрежет
Стали слышны под землею.

Утеген был наготове —
Смел, могуч и хладнокровен.
Бой затих. На воздух вышел
Айдахар, залитый кровью.

После этой страшной сечи
Айдахар боялся встречи,
Но батыр тут обратился
К айдахару с тихой речью:

«Смой водою крови пятна
И скорей ступай обратно.
Выгоняй врага смелее —
Я готов на подвиг ратный».

Айдахар ушел. И снова
Вой и скрежет с силой новей
Раздались, и из пещеры
Кровь пошла рекой багровой.

Появились в клубах пара
Два свирепых айдахара,
Нанося друг другу в гнев
Беспощадные удары.

Был один из них моложе —
Белоклыкий, пестрокожий,
Он хотел отбить пещеру
Ту, где старый юность прожил.

Бил он старого клыками,
Злобно рвал его когтями.
Старый, кровью истекая,
Утегена звал глазами...

Утеген, следя, как старый
Получает в грудь удары,
Выстрелил, пуская пулю
В молодого айдахара.

Пуля лоб ему пробила,
Сразу наземь повалила.
Эта ловкость Утегена
Всех джигитов восхитила.

Айдахар, что жив остался,
В водопаде поплескался
И, водой омывши раны,
Провожать гостей собрался.

По отрогам и камням
Он повел их с уважением,
Воздавая Утегену
Славу, честь и восхищение.

Шли они дорогой ровной,
Степью знойной и огромной
И увидели под вечер
Хвойный лес, густой и темный.

Айдахар чуть встрепенулся,
В горы синие вернулся,
На батыра и джигитов
Не взглянул, не обернулся.

Лесом шла тихонько осень.
Тих был вечер, хмур и росен.
Утеген-батыр заметил
Белый дом средь стройных сосен.

С темным страхом незнакомый,
Утеген подъехал к дому

И услышал тихий голос,
Словно дальний рокот грома:

«Ты ли это, герой Утеген,
В хвойной чаще, у каменных стен,
Ты ли это, кто тысячный день
В мире странствуешь, словно олень?»

Отчего потерял ты покой?
Почему ты не едешь домой
И везде, кроме сизой воды,
Ты свои оставляешь следы?

Пусть джигиты тебя подождут
Под сосновый размеренный гуд.
Если смелое сердце в груди,
Слезь с коня ты и в дом заходи».

Слез с коня батыр бесстрашный.
В белый дом вошел отважно.
Там его радушно встретил
Қайберен, седой и важный.

Были в этом доме стены
Белоснежной пышной пены.
Утеген с поклоном низким
Обратился к Қайберену:

«Слушай исповедь сердца, отец,
Сединой убеленный мудрец.

Предо мною дорог миллион,
Я в дороге — и я утомлен.

Да, ты прав — потерял я покой,
Нет пути мне обратно домой.

Нет мне в мире иного пути:
Иль погибнуть, иль земли найти.

Я в родные края — в Джетысу
На коне своем весть принесу,

Весть о новых цветущих краях,
Где найдет свое счастье казах.

Муравей, жук, кузнечик — и те
О своем помышляют гнезде,

Даже серенький воробей
Ищет лучшего места себе,

Цапля ищет зеленых болот,
Рыба в синей глубине плывет —

Как же лучшего мне не желать,
Для народа земли не искать?

Я как странник по свету брожу,
Ни здоровья, ни сил не щажу.

Горе, боль, даже смерти приход —
Все приму за родной мой народ...»

И ответил ему Кайберен:
«Честь и слава тебе, Утеген!

Ты, как беркут, могуч и удал,
Быстроног, как алтайский марал.

Тебя ждут по дороге бои,
Так послушай советы мои:

По ночам не являйся ты в дом,
Приезжай обязательно днем.

Будь в работе, в боях и в беде
Хладнокровным — всегда и везде.

Удержи, если гневен собой,
Руку правую левой рукой».

Утеген пред ним склонился,
По-сынозному простился,
Старику сказал спасибо
И в обратный путь пустился.

Снова степи, перевалы,
Ветер горький, теплый, шалый...
Чернобурое предгорье
Перед ними поднималось.

И по ветру, над предгорьем
Лился, плакал на просторе
Не людской и не звериный —
Дикий голос, полный горя.

Утеген сказал джигитам:
«Слышен голос страшных пыток.
Я один во тьму поеду
И узнаю, что там скрыто.

Если враг — убью на месте,
Если друг — вернемся вместе.
В темноте на крик ответить —
Это долг батырской чести».

Взяв ружье и саблю в руки,
Утеген пошел на звуки
И увидел айдахара,
Что стонал от страшной муки.

Он изранен был поганым
Белым змеем — абжиланом¹,
Что стрелой в него вонзился,
Углубляя к сердцу рану.

Если сердце змей достанет,
Сердце биться перестанет.
Айдахара, чудо-зверя,
На земле тогда не станет.

Утеген подумал быстро:
«Если зверя сгубит выстрел,
Белый змей тогда метнется
На меня, подобно искре.

Если ж выстрел сгубит змея,
Белошкурого злодея,

¹ А б ж и л а н — сказочный белый змей.

Айдахар освобожденный
Благодарным быть сумеет».

Грянул выстрел. С дикой силой
Эхо грохот повторило.
У злодея-абжилана
Пуля голову пробила.

Утеген-батыр вернулся
И джигитам улыбнулся.
Стали спрашивать джигиты:
«С кем же ты, батыр, столкнулся?»

Отвечал батыр им с жаром:
«Я во мрак ходил недаром:
Погубил я акжилана,
Спас от смерти айдахара.

Спите мирно. Ночь в разгаре.
Я уверен в айдахаре —
Чудо-зверь до смерти будет
За спасенье благодарен.

Если ж воздух будет жарок
От дыханья айдахара,
Не тревожьтесь. Это значит —
Он принес нам свой подарок.

Благородно сердце в звере.
Впрочем, мы его проверим.
Эта хитрая уловка
Не доставит нам потери.

В степь мы дерево положим,
Что с джигитом спящим схоже,
Дав седло под изголовье
И покрыв халатом ложе».

Так и сделали. И скрылись,
Тихо в травах притаились
И, огня не зажигая,
Ожиданием томились.

Ночь. Возня мышей летучих.
Тихий шорох змей ползучих.
Ни одной звезды не видно,
И луна — в косматых тучах.

Показались клубы пара —
Верный признак айдахара.
Затревожились джигиты:
Смерть несет он иль подарок?

Утеген могучий, стройный,
Как батыр, прошедший войны,
Не дрожал, не волновался,
Ожидал зари спокойно.

Птицы, встав с зарею вместе,
Спели утренние вести.
Человек-бревно был виден
Все на том же самом месте.

Подошли к нему джигиты.
В изголовье были скрыты
Голова змеи и с нею
Золотой тяжелый слиток.

Светлый слиток подняв золотой,
По размерам, как чайник, большой,

Утеген им сказал: «Это дар
Благодарный принес айдахар.

Если мы совершаем добро,
Шлют нам золото и серебро,

Если ж зло совершаем, тогда
Ожидает нас зло и беда.

Надо быть справедливым всегда —
Не страшна тогда будет беда.

Будем биться везде за народ,
За обиженных вдов и сирот.

Всем, кто трудится, жизнь принесет
Честь и славу, добро и почет,

Им везде уважение всех,
А лентяям — презрение и смех».

Перевалы, перевалы,
Горный кряж, гневой и чалый...
Утеген повел джигитов
По дороге к Кент-Аралу.

В Кент-Арале пастбищ мало.
Через камни Тас-Арала
Утеген повел джигитов
По пустыням Кум-Арала.

Сквозь пески и волны зноя
Он дорогою прямою
Вел их к водам в царство цапли,
В синий край Бирказантоя.

В глубине большой долины
Встали сосны-исполины.
Лес густой, нахмутив брови,
Пел старинные былины.

Быстро сумерки сгустились,
Травы росами умылись.
Утеген и с ним джигиты
На ночлег остановились.

Лес в дремоту погрузился,
Над костром дымок струился,
Казаны¹ дышали жаром —
Там баран в сурпе² варился.

Вдруг из тьмы лесной и черной
Подошли к костру проворно
Две красавицы, чудесней
Чем рассвет степной и горный.

¹ К а з а н — котел.

² С у р п а — бульон, суп.

Щеки их зарей пылали,
Звездами глаза сияли.
Их прекрасные одежды,
Как жемчужины, мерцали.

У костра они сидели,
На джигитов не глядели,
А джигиты от красавиц
Отвести глаза не смели.

Хлебосолен и радушен,
Предложил батыр им ужин,
Но красавицы сказали:
«Плов ваш жирный нам не нужен!»

Золотилось мясо в сале,
Все джигиты мясо взяли,
А красавицы с насмешкой
За едою наблюдали.

Посмеялись и в мгновенье
Скрылись, словно сновиденья.
Лишь манили, удаляясь,
Звоном струн телодвиженья.

И когда затихли в мраке
Шелест, шопот, шорох всякий,
Утеген сказал джигитам:
«Это были жез-тырнаки¹.

Племя их порой ночью
Манит светлой красотой
И алмазными когтями
Жадно губит все живое.

Жизнь идет у них ночами.
Рвут сердца они когтями.
Когти их острей булата,
Тронут — прахом станет камень.

Мы беседуем. Однако
Их глаза горят из мрака:

¹ Жез-тырнаки — ведьмы с железными когтями

Будьте бдительны. Настала
Ночь охоты жез-тырнаков.

Жез-тырнаки злее зверя.
Мы коварность их проверим.
Эта хитрая уловка
Не доставит нам потери.

В лес мы дерево положим,
Что с джигитом спящим схоже,
Дав седло под изголовье
И покрыв халатом ложе».

Так и сделали. И скрылись.
На деревьях притаились...
В темноте, держась за ветки,
Ожиданием томились.

Ночь. В дупле пищат совыта,
Серый волк бредет куда-то.
Звезд не видно. Бледный месяц
В тучах рваных и косматых.

Утеген, укрытый тьмою,
Дожидался под сосною;
Он ружье свое проверил,
Был готов к ночному бою.

Вот в густом, зловещем мраке
Свет взметнулся, словно факел.
Выстрел грохнул. Снова выстрел —
Так погибли жез-тырнаки.

Птицы, встав с зарею вместе.
Спели утренние вести.
Ни седла и ни халата
Больше не было на месте.

И бревно, и ткань халата,
И седла наряд богатый
Под когтями жез-тырнаков
Стали пылью сероватой.

Утеген собрал джигитов,
Снова вспомнив про Коркыта,
В путь пустился. Жез-тырнаки
Скоро были позабыты.

Степи, реки, перевалы,
Лес и горные увалы...
Море темной синевою
Перед ними засверкало.

Ветер мчался на просторе,
Волны бились, с ветром споря.
Пена хлопьями взбивалась,
Бушевало гневно море.

Сорок суток, ветра полных,
Бились яростные волны.
Утеген, смотря на море,
Ехал строгий и безмолвный.

А за морем, сквозь туманы,
Встали желтые барханы.
Синий зной висел проклятьем
Над пустыней бездыханной.

В этом мертвом царстве каждый
Был не больше, чем однажды.
В тишине, в песках горячих
Находил он смерть от жажды.

Там стоял, как нар¹ горбатый,
Город, вымерший когда-то,
Серый, выветренный, страшный,
Как скелет, песками сжатый.

Там пески ползли и пели
Чуть заметно, еле-еле.
На песках верблюжьи кости
Ослепительно белели.

От колодца до колодца
Сгубишь десять иноходцев.

¹ Нар — одногорбый верблюд.

Месяц мчись там — и не встретишь
Ни реки и ни болотца.

Утеген, песком овитый,
Сорок суток вел джигитов
Сквозь безводные пустыни
И поил их всех досыта.

За песками в сизых тучах
Встал пред ними лес дремучий,
Мрачный и непроходимый,
Многошумный и певучий.

Сосны, ясени и клены,
Черный дуб, чинар зеленый
Пред джигитами стояли,
Словно войско, непреклонно.

Сорок суток через чащи,
Через лес, листвою шумящий,
Утеген с отрядом ехал
В край заветный и манящий.

Наконец в начале лета
Начались в лесах просветы.
За лесами степь лежала,
Вся цветами разодета.

Все вокруг благоухало,
В тишине вода журчала.
Пред батыром Утегеном
Жиделы-Байсын предстала.

...Утеген! Вот мечтаний венец!
Ты нашел край чудес наконец!

Посмотри, как лазурь высока,
Как привольно плывут облака!

Посмотри на разливы зари,
На степные цветы посмотри!

Посмотри, как тенисты сады,
В них душистые спеют плоды,

Они слаще, чем липовый мед,
Они, падая, просятся в рот.

Без поливки и без кетменя
Колосятся поля ячменя.

Белый хлопок блестит серебром,
Земляника алеет ковром.

Ты глаза хорошенько протри
И на дичь, Утеген, посмотри!

Здесь кояны¹ крупнее козлов,
Воробьи здесь размером с орлов.

Посмотри на джейраньи стада —
Их никто не сочтет никогда.

Посмотри на опушки леска:
Козы черные — кара-каска.

Они ростом крупнее коней,
А их мясо ягненка нежней.

Выбрал домом себе этот край
Легендарный, чудесный Домбай.

Посмотри: многоводна, сильна,
Разливается речка Мана,

В камышах и на светлой воде
Стаи уток, гусей, лебедей,

А в степях среди трав и цветов
Много пестрых фазанов и дроф.

Ты смотри и любуйся, батыр,
Пред тобою нетронутый мир.

¹ К о я н — заяц.

Где родной твой казахский народ
Земли, воды и счастье найдет.

Запах трав, Утеген, ты вдохни,
От скитаний своих отдохни...

Утеген не хотел отдыхать,
Слез с коня он и начал искать.

Он искал сорок дней и ночей
Трав, пригодных для корма коней.

Степь от края до края прошел —
Только трав этих он не нашел.

Что за ценность стране, если в ней
Нет травы для казахских коней?

Ведь казах без степного коня,
Как осенний костер без огня.

И заплакал в степи Утеген,
Как герой, заарканенный в плен.

Как в песках раскаленных седок,
Конь которого рухнул, издох.

Обступила его темнота.
Умирала в батыре мечта

И пошел Утеген в темноту
Хоронить золотую мечту.

...Утеген, Утеген! Где же ты?
Отзовись из немой темноты!

Я, Джамбул, из степей Джетысу
Тебе новые вести несу.

Если б мог из могилы ты встать
И сейчас Джетысу увидеть,

Не узнал бы родной страны,
Перед явью померкли сны.

Посмотри: озарен, осян,
Встал одетый в лучи Казахстан.

От Тянь-Шаня его простор
До Уральских яшмовых гор.

У казахов своя страна,
Свои земли на все времена.

У казахов цветет свой флаг,
Как горячий, пурпурный мак.

У казахов сияет свой герб —
В солнце слитые молот и серп.

У казахов, как сбывшийся сон,
Свой счастливый и мудрый закон.

У казахов журчит, как арык,
Свой живой и свободный язык.
Урожай у казахов богат,
Молодые заводы дымят.

И своя в водоемах вода,
И свои по степям города.

Посмотри, мой джолдас¹, посмотри —
В чистом пламени ясной зари

Пред хозяевами сполна
Все богатства раскрыла страна!

Кара-тау дает свинец,
Кокче-тау гонит овец.

Тянет с золотом руки Алтай,
Медь обильно дает Карсакпай.

¹ Джолдас — товарищ.

Белый хлопок дарит Чимкент,
Предлагает руно Джаркент.

Золотые, как в сказке, хлеба
Для народа растит Актюба.

Скачет так, что трясется земля,
По степям, где лишь ветер 'гулял.

Меж озер и меж каменных глыб
Вороной, с дымной гривой Турксиб.

Дни и ночи грузит поезда
Черным золотом Караганда.

В Эмбе гордые вышки стоят
И кипит нефтяной водопад.

В Кармакчинской степи зреет рис,
В Ала-тау сады поднялись,

А в садах, слаще сна и мечты,
Спеют яблоки Алма-Аты.

А в степях, где душисты цветы,
Вольно бродят овечьи гурты

С белой шерстью нежней облаков.
Табуны вороных скакунов,

Табуны золотых скакунов,
Чалых, сивых, гнедых скакунов

Под железное пенье подков
Скачут степью быстрее ветров.

На закате, что сиз и багров,
Над стадами молочных коров

Пыль клубится, и пахнет кругом
Теплым, сладким, парным молоком.

А когда отпылает закат
И начнется во тьме звездопад,

Чабаны, как детишек, хранят
Теплых, мягких, безрогих телят,

Тонкорунных кудрявых ягнят,
Тонконогих степных жеребят,

Неуклюжих, смешных верблюжат,
Черноглазых мохнатых козлят.

И они от росы не дрожат,
Потому что теплыню богат

Край народной заветной мечты.
Край обилия и красоты.

Ты глаза хорошенько протри,
Посмотри, мой джолдас, посмотри

На фазанов, на дроф, на гусей,
На трубящих весной лебедей.

На Алтае плодится марал,
Рыбой плещется синий Арал.

По степям, где трава и вода,
Вольно бродят джейраньи стада.

Все, что щедро цветет и поет,
Это наше — твое и мое!

Вся страна, что мужала в боях,
Она наша — твоя и моя!

Разогнул свою спину казах
И почувствовал солнце в глазах.

За спиною не стало горба,
Человеком он стал из раба.

Эту правду и солнечный свет,
Эту звонкую радость побед,

Эту жизнь без насилья и слез
Сталин мудрый и добрый принес.

Он батыр из батыров. О нем
Песни грянули ветры и гром,

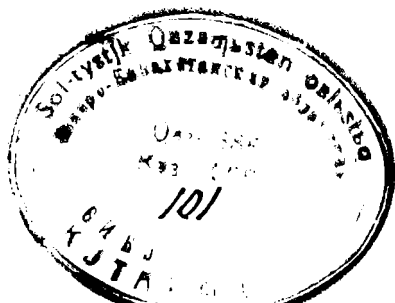
И кипящий горный поток,
И звенящий в барханах песок,

И на ветках весенних листы,
И ручьи, что звонки и чисты,

И серебряный грозный буран,
И жирши и акыны всех стран.

Сталин-солнце, гори и свети!
Богатырским здоровьем цвети!

И неси, всемогуч и силен,
Счастье людям всех стран и времен!

СОДЕРЖАНИЕ

Джамбул	3
Ленин и Сталин	7
В час, когда зовет Сталин .	11
Великий Сталинский закон	13
Я избираю Сталина . .	16
Песня о Москве	19
Москва	22
Песня о братстве народов .	27
Ленинградцы, дети мои! .	31
Песня про батыра Чапая .	36
Песня о Пушкине . . .	40
Песня солнцу	41
Ответ сыну	44
На смерть сына .	46
Утеген-батыр .	48

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва, М. Черкасский пер., д. 1, Детгиз.

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Ответственный редактор *А. Кравченко*. Художественный редактор *С. Садомская*. Технический редактор *И. Румянцева*. Подписано к печати 25/VI 1946 г. 5¼ п. л. (3,4 уч.-изд. л.). Тираж 25 000 экз. А08356. Заказ № 2625. Цена 2 р. 50 к.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суцевский вал, 49.